

Всеобща

по четвергам

Вячеслав
Лейкин

448

Вячеслав Лейкин

Всегда по четвергам (сборник)

«Геликон Плюс»

2015

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

Лейкин В. А.

Всегда по четвергам (сборник) / В. А. Лейкин — «Геликон
Плюс», 2015

ISBN 978-593682-988-8

Рассказы о легендарной литературной студии, существующей в Петербурге несколько десятков лет, с остроумными примерами, раскрывающими приемы автора – основателя собственной «лейкинской школы», а также эссе о детском творчестве и литературном воспитании. Эти заметки выдающегося педагога в области литературного творчества могут стать настольной книгой юного поэта, руководителя литературной студии, библиотекаря, но прежде всего – родителей.

УДК 84.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

ISBN 978-593682-988-8

© Лейкин В. А., 2015
© Геликон Плюс, 2015

Содержание

Книжка, о которой я мечтал	6
Часть I	7
Самый первый четверг	7
«Наступила осень золотая»	11
Почему Онегину можно, а им нельзя	15
Учитель и ученик	19
«Напишем, братцы, монорим»	22
Глупая вобла воображения	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вячеслав Лейкин

Всегда по четвергам (сборник)

© Лейкин В., текст, 2015

© «Геликон Плюс», макет, 2015

* * *

Книжка, о которой я мечтал

Вячеслав Лейкин – один из тех редких людей, с которыми всем интересно: коллегам-литераторам, поскольку остроумные суждения Лейкина по поводу прочитанного часто точнее обстоятельного анализа текста;

артистам, которые с увлечением ведут на сцене или на экране уморительно смешные диалоги, придуманные Лейкиным;

друзьям и знакомым, которые с первых же минут общения с ним оказываются вовлеченными в занимательную беседу; в ней изящные лейкинские остроты рождаются тут же, на ходу, чтобы потом с успехом пересказываться по кругу;

ученикам – юным или зрелым поэтам, которые с волнением приносят свои свежие сочинения на суд Учителя, в надежде услышать от него похвалу или меткое замечание.

Меня со Славой связывает работа – уже почти полвека мы вместе придумываем пьесы, сценки, киносценарии, которые затем живут в студенческом театре, на эстраде, на экранах кино и телевидения. И еще нас связывает дружба. Я уважаю и люблю этого человека, который из всего может извлечь смешное – из словосочетания, из услышанной фразы, из прочитанной строки. Но главное, я люблю его стихи и считаю Лейкина одним из лучших современных поэтов, уберезженным судьбой от публикаций в застойные годы и, следовательно, ни на йоту не продавшего, не предавшего свой уникальный талант.

Несколько раз мне довелось присутствовать на занятиях детского поэтического кружка, которые вел Вячеслав Лейкин, и здесь для меня открылся его необыкновенный педагогический дар. Занятия в кружке представляли собой череду разнообразных игр, необычных заданий. Некоторые были заготовлены Лейкиным заранее, другие рождались здесь же, в пылу импровизации. И это было так увлекательно, так весело и в то же время познавательно, что я искренне пожалел о бездарно прошедшей юности. Как мне тогда захотелось вновь стать мальчишкой и с азартом ринуться в состязание с двумя десятками юных гениев, радостно и вдохновенно творящих в небольшой комнате, за одним длинным столом. Хотя тягаться с ними было бы ой как непросто! И мне тогда же пришла мысль, что этот опыт общения поэта-педагога Вячеслава Лейкина с группой одаренных детей необычайно интересен и поучителен для юных и взрослых, для тех, кто учит и учится, для всех, кто хочет приобщиться к миру Поэзии. Однако Лейкин вовсе не разделял моих восторгов, считая свои «уроки» делом очень специфическим, имеющим ценность для него одного и нескольких одаренных кружковцев. Все сочинения своих учеников он аккуратно собирал и складывал в папки, которые множились, пухли и пылились без дела. Много лет длился наш спор. Наконец Лейкин сдался. И, основательно «прошерстив» свои папки, сделал из них довольно скромные извлечения под общим названием: «Всегда по четвергам» – ведь именно по четвергам в комнате № 448 редакции детской газеты проходили эти занятия – замечательные, насыщенные игрой и Поэзией «четверги».

Не сомневаюсь, что любой, кто начнет читать эту книжку, волей-неволей станет участником собрания юных поэтов и, невзирая на возраст и даже отсутствие склонности к поэтическому творчеству, включится в увлекательную игру, придумывая свои варианты решения необычных заданий. Это подобно тому, как ритмическая музыка подчиняет себе слушателей, заставляя их невольно приспособлять шаг к заданному ритму.

Ну а детям такие игры просто необходимы. И не столько для развития поэтического дара, сколько для обогащения языка, культуры речи, нестандартного мышления.

Юрий Мамин

Часть I Поэтические забавы

Самый первый четверг

Искал я когда-то давно работу, связанную с литературой.

Такое было у меня в то время странное настроение. И все мои друзья и приятели были в курсе этих поисков. Одни сочувствовали, другие обещали, а один нашел. Это был мой школьный друг, тогда уже довольно известный литературовед.

Он позвонил и спросил: Слушай, как ты к детям относишься?

Я спросил: В каком смысле?

Он спросил: Ты их любишь?

Я спросил: Кружок какой-нибудь?

Он спросил: Литературное объединение юных поэтов при детской газете тебя устроит?

Я спросил: Думаешь, возьмут?

Он спросил: Ты что же, треплом меня считаешь? – И сказал, когда явиться, куда и к кому обратиться.

Я явился, обратился, договорился, и вот в один из февральских четвергов 1972 года я впервые вошел в Четыреста Сорок Восьмую комнату известного всем здания на Фонтанке, называемого «Домом прессы».

ОНИ уже ждали, смотрели на меня, молчали.

Я сообщил, как меня зовут, сказал, сколько мне лет, и прибавил, что в детстве тоже пытался сочинять стихи, но ничего хорошего из этого не вышло.

– А сейчас сочиняете? – спросила одна из них.

– Сейчас? Да, сочиняю.

– А книги есть?

– А книг почему-то нет.

Молчание сгушалось.

– А давайте во что-нибудь сыграем, – предложил я. – В какую-нибудь литературную игру.

– А стихи мы будем сегодня читать? – сурово спросила девочка, которая перед этим молчала основательнее всех.

– Ах, ну да, конечно, – засуетился я. – Как же я про главное забыл?

Начали читать стихи. В основном про зиму.

Запомнилось:

И ложатся ровно, как на полотно,
Розы, пальмы, липы на мое окно.

И еще:

Снег кружит,
Метель визжит.
Небо затуманено,
В звездах платье Анино.

(Что за Аня такая, я, правду сказать, не понял.)

И еще – у девочки, которую звали Сюзанна:

- Здравствуй, Зима.
- Здравствуй.
- Где же твой снег?
- Дома.
- Где же мороз?
- Дома.
- Иней твой где?
- Дома...

Совершенно завораживающий диалог, каменный такой, холодный.
За Сюзанной мальчик читал, Андрей:

А проснулись дети утром –
Полон снегу тихий сад.
Снегири на голых ветках,
Словно яблоки, висят.

И наконец, самый старший среди них, восьмиклассник Женя. На этот раз стихи были не про зиму, а про осень. Про позднюю осень:

Готово снегом разразиться небо,
И холод наступает вдруг,
И ворон серый, замерзая,
Обходит дерево вокруг.

Пока они читали, я как-то вдруг успокоился и даже сориентировался.
– Ворон – черный, – сказал я Жене. – Это ворона серая.
– А как тогда самца вороны называть? – ехидно спросила Сюзанна.
– А так, наверное, и называть – самец вороны.
– Ага! – подхватила Сюзанна. – Самец вороны, замерзая, обходит дерево вокруг.
Я осторожно засмеялся. Кое-кто присоединился. Вроде бы дело пошло на лад.
– А теперь давайте все-таки поиграем. Пусть каждый возьмет лист бумаги...
– А обсуждение когда? – спросила суровая девочка, которая предложила читать стихи.
– Обсуждение? В каком смысле? – растерялся я.
– Стихи прочли? Прочли. Теперь их надо обсудить. Мне, например, не понравилась у Ляли рифма «плетня – одна». А у Андрея про снегирей. Конечно, красиво, но неточно. Снегири ведь сидят на ветках, а не висят. А он пишет – «висят». А яблоки сидеть не могут. Они как раз висят. Так что метафора получается неточная.

Я оторопел:

- И вы что же, всегда вот так? Обсуждаете?
- Всегда, – сказали все.
- Но это ведь скучно, наверное?
- Зато полезно.
- А как же еще учиться? – спросила Сюзанна.
- И вы считаете, что так можно научиться писать стихи?
- Конечно, – сказала суровая. Вспомнил, ее звали Наташей. – Нас, например, учили, – продолжала Наташа. – И вы должны учить.

И тут я разозлился.

– Во-первых, я никому ничего не должен. И вам в том числе. А во-вторых, занимаясь своими обсуждениями, вы рискуете стать какими-нибудь литературными надзирателями, а не поэтами. «Рифма плохая! Метафора неточная!» Может, и неточная, а я вот увидел эту снегиревую яблоню. И она мне понравилась.

Опять замолчали.

– Надо читать хорошие стихи хороших поэтов, – продолжал я уже спокойнее. – У них и учиться.

– А как же рисованию учат?! – выкрикнула Сюзанна. – По пять часов горшок какой-нибудь рисуют!

– А музыка? – подхватила Ляля. – Гаммы, гаммы, сплошные гаммы. Нотки эти шевелиться уже начинают. Как черви.

– Вот и чудесно! – обрадовался я. – Давайте и мы займемся гаммами. Поэтическими гаммами. Гаммы играют? Играют. Вот и мы будем играть.

– И здесь будут гаммы? Ну это вообще!..

– Не гаммы, успокойся. Будут игры. Литературные игры. Сейчас я вам все объясню. Возьмите по листу бумаги...

Взяли. Одни с любопытством, другие с предубеждением, но взяли.

– Записывайте, – и я начал диктовать: – «Жил на свете рыцарь бедный». Записали? Дальше: «Кто ответит на вопрос». Теперь двустишие: «Сгорел закат, спустилась ночь, и все разбойники уснули». И наконец, две пары рифм: «атлет – приманка – скелет – шарманка». Записали? Строчки про рыцаря и про вопрос вы должны подрифмовать, чтобы получилось двустишие. Складное, со смыслом и по возможности забавное. Двустишие про разбойников нужно довести до состояния четверостишия. Набор рифм с атлетом и шарманкой тоже должен воплотиться в четверостишие. Обычное буриме. Слышали, наверно?

Оказалось – слышали.

– Пишите, а через полчаса сдадите свои листки. Можете не подписывать. Читать буду подряд, не называя имен. Так сказать, анонимно...

Через полчаса я вместе с ними бурно радовался той складной и остроумной чепухе, которую они напридумывали; да и не чепухе вовсе – некоторые строчки оказались просто превосходными.

Итак, «Жил на свете рыцарь бедный...»

Во-первых, выяснилось, что «был он худенький и бледный», во-вторых, – «был он тихий и безвредный», в-третьих, «позабывший клич победный», а в-четвертых, несчастный оказался еще и на руку нечист – «спер он руль велосипедный».

Дальше читаем: «Кто ответит на вопрос».

Вопросы оказались самые разнообразные: от философского – «для чего он жил и рос» и озабоченно-житейского – «сколько стоит купорос» до загадочных – «где гнездится альбатрос» (а действительно, где?) и «почему моряк – матрос» (и в самом деле, почему?). А завершился этот список вопросом и вовсе невинным – «для чего сопливым нос».

Двустишие «Сгорел закат, спустилась ночь, и все разбойники уснули» получило самые неожиданные продолжения, но наиболее живую реакцию вызвал вот этот простодушный вариант:

Один не спит, ему невмочь:

Клопы несчастного куснули.

Буриме оказалось, во-первых, последним заданием, когда надо было уже спешить, а во-вторых, действительно, трудным. Но кое-что у них все-таки получилось:

На берегу пруда сидит атлет.
Но бесполезна на крючке приманка:
Здесь вместо рыб на дне лежит скелет
И ржавая разбитая шарманка.

Еще вариант:

Был я сильный, как атлет,
Аппетитный, как приманка,
Стал я тощий, как скелет,
И печальный, как шарманка.

И наконец, совершенно блестящая строфа, которую даже и заподозрить трудно в том, что она всего-навсего результат буриме:

Увитый мышцами атлет,
Червям могильным ты приманка,
И твой обглоданный скелет
Уже оплакала шарманка...

Все последующие четверги в Четыреста Сорок Восьмой комнате проходили примерно так же, как и этот – мой самый первый Четверг: сначала читали по кругу новые стихи, а затем играли.

Из главок, посвященных этим играм, а также из стихов, написанных в свободное от этих игр время, собственно, и сложилась наша книга, необычная хотя бы уже тем, что у нее более двух сотен авторов, юных и безмятежных, радостно и беззаветно влюбленных в поэзию.

«Наступила осень золотая»

Как обычно, прочли по кругу свои новые стихи и ждут, что дальше будет.

– А теперь, господа хорошие, давайте поиграем...

И вдруг:

– А что это мы каждый раз играем да играем...

– А разве плохо?

– Неплохо, конечно, но надо же наконец и делом заняться.

– Делом? Каким делом?!

– Стихи учиться сочинять. Ведь мы все-таки для этого сюда приходим...

– А во Дворце, между прочим, учат. Мне одна девочка рассказывала...

– Где?

– Во Дворце пионеров.

– Понятно. Ну что ж, давайте и мы учиться.

– Давайте.

– Прямо сегодня и начнем.

– Наконец-то.

– А с чего мы начнем?

– Как с чего? Со стихов.

– Ах, ну да, действительно. А про что у нас будут стихи?

Осмотрели друг друга, стены, потолок, выглянули в окно, заметили там осень и предложили:

– Давайте про осень.

– Замечательно. Будем учиться писать стихи про осень. А у кого мы будем учиться?

– Вы же сами говорили: надо учиться у поэтов.

– А и в самом деле. У кого же еще учиться писать стихи? Не у акробатов же? И не у сантехников. Только у поэтов! А как мы будем у них учиться?

– Мы вспомним, как поэты писали про осень, и сами так же попробуем.

– Прекрасная идея! Давайте вспоминать. Итак...

– Наступила осень золотая...

– Отлично! Еще...

– Уж небо осенью дышало...

– Великолепно! Дальше...

– Уж реже солнышко блистало...

– Понял – короче становился день. Давайте еще что-нибудь вспомним.

Завспоминали наперебой:

– про очей очарованье...

– про мертвые листья...

– про печальных журавлей...

– про соловья, который уж не поет...

– про пастушка, который уж не играет...

– про тоскливые дожди...

– про сонного медведя...

– про полные закрома...

– Молодцы! А теперь попробуйте про все это написать стихи. Можете даже объединяться между собой – легче будет учиться. Ну, поехали!..

Минут через сорок прочли новообразовавшийся осенний цикл.

1. Приходит осень золотая,
Желтеют листья, увядая,
И ночь становится длинней.
Уж не поет наш соловей.
Медведь залез в свою берлогу
И тратит жир свой понемногу.
Пшеница убрана давно,
Колхозы выполнили планы,
И на пустынное гумно
Ползут унылые туманы.

*Женя Секина, Таня Слепова,
Слава Гущина*

2. Наступила осень золотая,
Улетает певчих птичек стая.
Наступили хмурые денечки,
Уж с листов осыпались листочки,
Травка пожелтела и пожухла,
Злая туча дождиком набухла,
Солнце потускнело, словно глазки.
Мы к зиме готовим уж салазки.

*Катя Судакова, Ира Малкова,
Оля Красная*

3. Желтеет листик, дождик льет,
И соловей уж не поет.
Молчит кузнечик. И ребятки
Уж не играют больше в прятки,
А ходят в школу каждый день,
Упорством побеждая лень.
Заря все раньше догорает,
И пастушок наш не играет
Веселых песен на рожке,
Бредут коровы вдалеке,
Пожухлый объедая луг,
Летят журавлики на юг.
И мы, их слыша голоса,
Печально смотрим в небеса.

*Наташа Хейфец, Владик Васильев,
Марина Красильникова*

4. Какая грустная пора;
А ведь вчера была жара,
Искрилось солнце в вышине
И было так привольно мне.
Теперь дожди, теперь тоска

И жизни ноша нелегка.
Смотрю безрадостно в окно,
А там и сыро, и темно –
Какая скверная пора;
А ведь вчера была жара.
Вдруг вижу – журавли летят,
Спешат покинуть этот ад.
И я за ихним косяком
Готов пуститься босиком.

Лена Пяткина, Вова Торчинский

– Поздравляю!
– Вам понравилось?
– Очень хорошие стихи. Даже грустно стало.
– Как – грустно? Сами же говорите – хорошие.
– Расстаться нам придется. Оттого и грустно.
– Расстаться? Почему?
– Да потому, что учить вас, дорогие мои, больше нечему. Да-да, абсолютно нечему.
– Но мы же только начали учиться!
– Только начали – и уже все в полном порядке. Рифма на месте. Ритм – не придерешься.
И весь ваш осенний набор вполне убедителен: и про листья есть, и про журавлей, и про дожди – ничего не забыто. Все, как у настоящих поэтов. Так что до свиданья, дорогие друзья! Творческих вам удач!..

Помолчали, похлопали глазами, ушами, подумали и говорят:

– Но стихи-то ведь получились плохие.
– Чем же плохие? Хорошие стихи. Рифмы – первый сорт...
– Да слышали уже. И рифмы, и ритм, и не забыто ничего, а стихи плохие.
– Но почему?!
– Потому что все, о чем в них написано, уже было. У других поэтов...
– И про осень золотую было...
– И про журавлей печальных...
– И про листья...
– Это знаете как называется?
– Ну как?
– Это называется – штамп. Литературный штамп. У каждого поэта взять понемногу, перемешать аккуратненько – и все. Стихи будут как настоящие.
– Да, интересные дела получаются. Что же, теперь и про журавлей нельзя писать? И про листья? Какая же осень без листьев?
– Почему нельзя? Можно, но только по-своему. Чтобы ни на кого не было похоже.
– А разве такое возможно?
– Конечно, возможно. Лиза Аникина сегодня читала про листья, помните?
– Ну помню.
– Ни на кого не похоже. И при этом очень хорошо. Лиза, прочти еще раз.
– И в самом деле, прочти, Лиза.

Осенние листья повсюду, везде:
У ветра запутались в бороде,
Игриво приникли к бродяге-котенку,
В пещеру проникли к трудяге-кротенку,

Добавили пятен пятнистому догу
И снова умчались куда-то в дорогу.

Почему Онегину можно, а им нельзя

Читали как-то стихи Александра Блока и, в частности, его трепетные «ямбы». И сразу же возник вопрос:

– А почему только «ямбы»? А «хорей» бывают? Или эти, как их там?

– А действительно, как их там?

– Дактили.

– А еще?

Подумали, напряглись, вспомнили:

– Анапесты.

– И наконец?

Амфибрахий так и не вспомнили.

– Вы напоминаете мне Евгения Онегина.

– Все вместе? Одного Онегина?

– Да.

– Интересно, чем же?

– «Не мог он ямба от хоря,

Как мы ни бились, отличить».

– Видите, он тоже не мог. И ему простительно. А нам и тем более.

– Не согласен. Евгений-то Онегин не мог их друг от друга отличить, «высокой страсти не имея для звуков жизни не щадить». А в вас эта «высокая страсть» как бы предполагается. Она, эта «страсть», вас объединяет и собирает здесь, в Четыреста Сорок Восьмой. И неспособность отличить «ямб от хоря» для вас непростительна.

– А что же делать?

– Научиться отличать. Тем более, что это так просто. Основных метрических единиц, или стоп в русской поэзии пять: две двухсложные – ямб и хорей, и три трехсложные: дактиль, амфибрахий и анапест. Пока понятно?

– Пока понятно.

– Поехали дальше. Ямб звучит как «хорей», амфибрахий как «анапест», дактиль надо перевести во множественное число, и тогда он будет изображать себя самого...

– Ничего не понять. Почему они все похожи? Они же разные.

– Слово «хорей» из двух слогов, так?

– Так.

– С ударением на втором: хо-рей. Это и есть ямб – два слога с ударением на втором. «Дактили» – слово трехсложное с ударением на первом слоге; получается схема дактилической стопы. Про амфибрахий у поэта Григория Кружкова даже строки такие есть: «Анапест, анапест, анапест – вот так амфибрахий звучит»...

– А можно как-нибудь попроще?

– Еще попроще?

– Да. А то у вас хорей – это ямб, амфибрахий – анапест, а дактиль похож на себя самого, но только во множественном числе. Так ведь и в уме повредиться недолго.

– Ну хорошо. Попробуем по-другому. Предлагаю сочинить вам пять четверостиший, по одному на каждый размер. В четверостишиях этих известны только нечетные строки: первая и третья. Вам надо приписать к ним вторую и четвертую. Пока понятно?

– Пока понятно.

– Поехали дальше. Сперва берем хорей. Первая строчка – «От заката до рассвета» и третья – «От рассвета до заката». Дальше идет ямб: «Настал момент, ударил час» и «Ударил час, настал момент». Дактиль: первая строчка – «Было бы весело, было бы здорово», тре-

тья – «Было бы здорово, было бы весело». Амфибрахий – «До боли знакомая сердцу картина» и «Картина, знакомая сердцу до боли». И наконец, анапест: «На за что, никому, никогда и нигде» и «Никогда и нигде, ни за что, никому». Записали?

– Да!

– Тогда действуйте. И запоминайте.

Хорей

1. От заката до рассвета
Поглощает мысли Лета.
От рассвета до заката
Время мнется, словно вата.

2. От заката до рассвета
От тебя я жду ответа.
От рассвета до заката
Все твержу, что виновата.

3. От заката до рассвета
Вопли пьяниц из кювета.
От рассвета до заката
Пьянь глупа, но языкаата.

4. От заката до рассвета
В небе носится комета.
От рассвета до заката
Солнце светит – вот тоска-то.

Ямб

1. Настал момент, ударил час –
Читаю вам стихи про вас.
Ударил час, настал момент, –
Подбитый глаз – не аргумент.

2. Настал момент, ударил час,
И вдруг взорвался Арзамас.
(Действительно, был такой случай.)
Ударил час, настал момент –
Вот это был эксперимент.

3. Настал момент, ударил час,
И приобрел я унитаза.
Ударил час, настал момент,
Он заменил мне постамент.

4. Настал момент, ударил час,
Я профиль поменял на фас.
Ударил час, настал момент –
Вкололи мне медикамент.

Дактиль

1. Было бы весело, было бы здорово
В пищу купить килограммчик от борова.
Было бы здорово, было бы весело,
Если бы тетенька нас не обвесила.

2. Было бы весело, было бы здорово
Школе сказать: «До свиданья нескорого».
Было бы здорово, было бы весело –
Я бы тогда больше всех куролесила.

3. Было бы весело, было бы здорово
Зеркало спрятать. Не видеть в упор его.
Было бы здорово, было бы весело
Мир превратить в шоколадное месиво.

Амфибрахий

1. До боли знакомая сердцу картина:
Мамаша дубасит сыночка-кретина.
Картина, знакомая сердцу до боли:
Меняют они свои гнусные роли.

2. До боли знакомая сердцу картина:
Когда-то Россия, а нынче – руина.
Картина, знакомая сердцу до боли:
К восьмому десятку дорвались до воли.

3. До боли знакомая сердцу картина:
В сарае нитраты глотает скотина.
Картина, знакомая сердцу до боли:
Скотина нитратами кормится в поле.

4. До боли знакомая сердцу картина:
Дитя зеленеет, всосав никотина.
Картина, знакомая сердцу до боли:
Малюточка топит себя в алкоголе.

Анапест

1. Ни за что, никому, никогда и нигде
Не советую думать всю жизнь об еде.
Никогда и нигде, ни за что, никому –
Потому что обжорство мешает уму.

2. Ни за что, никому, никогда и нигде
Не поверю, что счастье в борьбе и труде.
Никогда и нигде, ни за что, никому
Не поверю, пока это сам не пойму.

3. Ни за что, никому, никогда и нигде
Не советую плавать я в этой воде.
Никогда и нигде, ни за что, никому –
Здесь когда-то утопла бедняжка Муму.

4. Ни за что, никому, никогда и нигде
Даже страшному черту на Страшном Суде,
Никогда и нигде, ни за что, никому
Я не выдам секрет зажигалки с мотором.

Учитель и ученик

Как интересно в старину обучали детей! Сейчас такое и представить-то невозможно.

А впрочем, почему же невозможно? Очень даже возможно.

Сидят учитель и ученик друг против друга, ученик задает вопросы, учитель отвечает.

Выбирается тема для урока, например «человек», и происходит следующий диалог:

Ученик: Что такое человек?

Учитель: Раб старости, мимо проходящий путник, гость в своем доме.

Ученик: На кого похож человек?

Учитель: На сферу.

Ученик: Как помещен человек?

Учитель: Как лампада на ветру.

Ученик: Как он окружен?

Учитель: Шестью стенами.

Ученик: Какими?

Учитель: Сверху, снизу, спереди, сзади, справа и слева.

Ученик: Сколько с ним происходит перемен?

Учитель: Шесть.

Ученик: Какие именно?

Учитель: Голод и насыщение, покой и труд, бодрствование и сон.

Ученик: Что такое сон?

Учитель: Образ смерти.

Ученик: Что такое смерть?

Учитель: Неизбежное обстоятельство, неизвестная дорога, плач для оставшихся в живых...

Ученик: Что составляет свободу человека?

Учитель: Невинность...

И так далее, до полного изнеможения собеседников.

И никаких отметок (двоек, например) никто никому не ставит, и родителей не вызывают, тем более что один из родителей в данном случае французский король Карл Великий, ученик – его сын, будущий итальянский король Пипин, а приведенный выше диалог – часть одного из уроков, запись которого можно прочесть в «Хрестоматии по истории средних веков»...

Обитатели Четыреста Сорок Восьмой тут же опробовали эту практику обучения, но, увы, в большинстве случаев у них учитель и ученик говорили на таком, примерно, уровне:

Ученик: Можно выйти?

Учитель: Иди и больше не возвращайся.

Ученик: Интересно почему?

Учитель: Потому что ты мне надоел.

Ученик: Интересно чем же?

Учитель: Сидишь тут и рожи корчишь.

Ученик: Это потому, что я очень хочу выйти.

Учитель: Вот и иди. И больше не возвращайся...

Но двоим все-таки удалось вырваться за пределы современной школы и ее нравов.

И вот что у них получилось:

Полина Барскова:

Ученик: Что такое мир?
Учитель: Нагромождение идиотов.
Ученик: Что такое пустота?
Учитель: Глаз слепого.
Ученик: Что такое разум?
Учитель: Знание, скрываемое от чужих.
Ученик: Что такое счастье?
Учитель: Осознание своего начала.
Ученик: Что такое добро?
Учитель: Любовь без жалости.
Ученик: Что такое зло?
Учитель: Оплакивание живых.
Ученик: Что такое свобода?
Учитель: Море у твоих ног.
Ученик: Что такое убийство?
Учитель: Игра в кости с бессмертием.
Ученик: Что такое мир?
Учитель: Чаша с кровью.
Ученик: Что такое я?
Учитель: Зеркало с низким голосом.

Сева Зельченко:

Ученик: Что это?
Учитель: Бабочка. О, бабочка! Да, это бабочка, друг мой.
Ученик: Из чего состоит бабочка?
Учитель: Из двух параллельных «б», двух оранжевых «а» и «очк» а.
Ученик: Ее едят?
Учитель: Нет, ее протыкают булавкой.
Ученик: Зачем?
Учитель: Она обретает спокойствие. Так познают спокойствие.
Ученик: Что сказал об этом поэт?
Учитель: Поэт сказал: «На свете счастья нет, но есть».
Ученик: Бабочки всегда так громко звучат?
Учитель: Нет, друг мой.
Ученик: Значит, это не бабочка?
Учитель: Возможно и так, друг мой.
Ученик: Она приближается. Бабочки всегда такие большие?
Учитель: Нет, друг мой.
Ученик: Почему же ты молчишь?
Учитель: Лучше промолчать, нежели впасть в заблуждение.
Ученик: Что есть учитель?
Учитель: Такие вопросы задавать запрещено.
Другой ученик (*вбегая*): То, что вы назвали бабочкой, учитель, село там, на поляне. Оно огромно и железно. В нем кто-то есть. (*Убегает.*)
Ученик: Пойдем посмотрим?
Учитель: Не так быстро, дитя мое, не так быстро. Сначала повтори алфавит.
Ученик: А.
Учитель: Полным ответом.
Ученик (*не слушая*): Кто это идет сюда?

Учитель: Неважно. Поэт сказал: «Я – памятник себе».

Ученик: Что они там делают?

Учитель: Биографию, друг мой, биографию.

Ученик: Они тянут какую-то сеть.

Учитель: Сеть состоит из дырок и ниток между ними.

Ученик: Они поджигают лес.

Учитель: Поэт сказал: «Белеет пар. Ус одинокий».

Ученик: Что это, что это? Смотри, учитель, что это?

Подполковник Осьминогов (*входит с топором*): А вот что!

«Напишем, братцы, монорим»

Жил во второй половине XIX века в России такой поэт – Алексей Апухтин.

Он был знаменит тем, что начал сочинять стихи довольно рано, и старшие современники (Иван Тургенев, например) прочили ему славу Пушкина. Со славой, правда, ничего сверхъестественного не вышло, но сочинения его, печальные, меланхолические даже стихи и поэмы, пользовались у читающей публики успехом.

А еще он (Апухтин) был известен тем, что учился в школе вместе с великим Чайковским, и остался другом ему на всю жизнь, и Чайковский сочинил на стихи Апухтина несколько превосходных романсов...

Но однажды этот певец печали написал вдруг очень веселое стихотворение в жанре монорима (монорим – это стихи на одну рифму), начинающееся строкой «Когда будете, дети, студентами». Стихотворение это стало невероятно популярным, к нему тут же приспособили нехитрую мелодийку, и все московские, а за ними и петербургские студенты на своих пирушках радостным хором распевали:

Когда будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
Над Гамлетами, Лирами, Кентами,
Над царями и над президентами,
Над морями и над континентами.
Не якшайтесь там с оппонентами,
Поступайте хитро с конкурентами,
А пойдете на службу с патентами,
Не смотрите на службе доцентами,
И не брезгуйте, дети, презентами...
Говорите всегда комплиментами,
У начальников будьте клиентами...

И так далее – еще строк двадцать в том же духе и на ту же рифму.

Населению Четыреста Сорок Восьмой идея монорима пришла по вкусу, тем более, что тут же последовал призыв к действию, исполненный тем же замечательным способом:

Напишем, братцы, монорим!
Раз двадцать рифму повторим,
Насочиняем, натворим,
От вдохновения сгорим,
Бумагой всюду насорим,
Москву и Питер покорим,
Париж, и Хельсинки, и Рим –
Весь мир стихом своим взбодрим,
И будет этот монорим
Прекрасен и неповторим.

И поэтому едва прозвучало задание – первые строчки предполагаемых моноримов: «За что мне нравится кино» и «Когда мне было десять лет», – Четыреста Сорок Восьмая мгновенно забурилась, забубнила, зарифмовала, зашевелила мозгами во все стороны, и результат тут же (не прошло и часа) не замедлил сказаться.

Когда мне было десять лет,
Приснился как-то мне валет,
Наглец, красавец и атлет,
Одет в малиновый жилет,
С плеча свисает эполет,
На шее черный амулет,
В руке держал он арбалет,
Заткнул за пояс пистолет.
Я говорю ему: Привет!..
Мол, сколько зим и сколько лет.
Он выстрелил в меня в ответ
И закричал: Умри, поэт!
Оставь навеки этот свет!
Здесь для поэта места нет!
Я возмутился: Что за бред!
Убить поэта – страшный вред!..
Тут вспыхнул в небесах рассвет,
Расстаял сон, исчез валет.

Наташа Хейфец, Оля Красная

За что мне нравится кино?
Оно, как терпкое вино,
Огнем любви напоено,
Мечты и музыки полно,
Оно и грустно, и смешно,
И благоденственно, и грешно,
Однообразья лишено –
В нем все мгновенно решено:
Хромой пират идет на дно,
Соперник прыгает в окно;
Красотка в черном домино,
Злодей в лимонном кимоно;
Он с ней сначала заодно,
И вдруг – кинжал, в глазах темно,
И расплывается пятно,
И багровеет полотно,
И все – закончилось кино.
А дома снова все одно:
Унылых дней веретено –
И так до нового кино.

Катя Лукина, Таня Слепова

Когда мне было десять лет,
Была я тощей, как скелет,
Тому причиной стал балет,
Который свел меня на нет.

Что делать, я дала обет:
На завтрак, ужин и обед
Не есть ни хлеба, ни котлет,
Не кушать щи и винегрет,
Не трогать кашу и омлет,
И даже яблочный рулет
Мне, бедной, тоже был во вред.
Я стала тонкой, словно плед,
Вуалей легче и газет,
Я танцевала менуэт,
Почти не оставляя след.
Меня не отражал паркет,
Смотрели сквозь меня на свет,
Кончалась жизнь моя. Ну нет!
Уж лучше яд и пистолет!
Решив почуять жизни цвет,
Я свой нарушила обет,
Навек оставила балет,
И ем теперь, как людоед,
Как кашалот, как муравьед,
Как бык, как тяжелоатлет...
Я вновь люблю весь белый свет
И вам открою свой секрет:
Хоть у меня таланта нет,
Уже полгода я – поэт.

*Катя Судакова, Ира Малкова,
Владик Васильев*

Глупая вобла воображения

– Ну-с, господа хорошие, как поживают ваши стихи, стишки, стишочки, стихрюшки, стихарики?..

– А никак не поживают.

– Не понял.

– Как может поживать то, чего нет?

– Понял. А что же их нет? Некогда писать?

– В основном не о чем.

– Про природу и погоду все уже написано, а про школу неохота.

– Как-то это все не для стихов.

– А что для стихов?

– Если бы знать!

– Уже и стихи были бы в кармане!

– Ведь как у настоящих поэтов?

– Как?

– Раз – и готово! Они всегда знают, о чем...

– А не скажите: у настоящих тоже не вдруг происходит. Вспомните Маяковского:

А оказывается –
прежде, чем начнет петься,
долго ходят, размозолев от брожения,
и тихо барахтаются в тине сердца
глупая вобла воображения.

– Вот и у нас барахтается.

– И тоже – глупая.

– Была бы умная, уже и стихи были бы...

– В кармане. Понятно. А если мы на эту глупую воблу приманку отыщем? Да и вытащим ее на поверхность, чтобы зря не барахталась.

– Хорошо бы. А как это сделать?

– А очень просто. Предлагаются два начала. Первое:

Как благороден тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
– Вот она, наша жизнь!

– Но это же вполне законченный стих!

– Правильно. Это и есть стих – хокку японского классика Басё. А вы попробуйте использовать его как начало нового стихотворения. Вдруг ваша глупая рыбка наконец клюнет?

– А второе начало?

– А второе – две довольно бессмысленные, однако весьма кокетливые строчки:

Музыка стала нашим проклятьем,
Юность – судьбою.

Им тоже придумайте продолжение. Может, тогда строчки эти приобретут смысл или хотя бы выглядеть будут более естественно. Задача понятна?

- В общем и целом...
- Тогда действуйте!
- А спросить можно?
- Но только чтобы это был последний вопрос.
- А как же вобла может барахтаться? Ведь она же вяленая?
- У настоящего поэта и мороженая рыба забарахтается. И даже ископаемая.
- Вот теперь понятно.

1. Как благороден тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
– Вот она, наша жизнь!
Но, скромно промолчав,
Подумает про себя:
«Вот она, моя смерть».

2. Как благороден тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
– Вот она, наша жизнь!
Вроде звезды летучей.
Значит, и я – человек
Под нависающей тучей.
Знают мои объятья
Будущее других...
Клетка любимого платья –
Несостоявшийся стих.

3. Как благороден тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
– Вот она, наша жизнь!
Как благороден тот,
Кто промолчит, когда ему скажут:
– Она тебя любит.
Как благороден тот,
Кто заплачет, когда ему скажут:
– Твой враг умер.
И самое замечательное,
Что таких людей на земле немало.
Как благороден тот,
Кто согласится со мной.

4. Как благороден тот,
Кто не скажет при блеске молнии:
– Вот она, наша жизнь!
Кто не станет читать
Любовных посланий монахини к Богу,
Кто никогда не поцарапает
Желтой соломинкой
Кожи умершего пруда,
И не проснется среди ночи,

Чтобы мой сон подсмотреть.

1. Музыка стала нашим проклятьем,
Юность – судьбою.
Гласность стала нашей стихией,
Истина – роком.
А мы не изменились
И ничего не можем
Сделать с жизнью,
Потому что каждый из нас
Всего лишь иголка
В муравейнике мироздания.

2. Музыка стала нашим проклятьем,
Юность – судьбою.
Мужчины занимаются зодчеством,
А женщины – собою.
Подлость стала радостью,
Старость – молотью.
Мужчины занимаются дружбой,
А женщины – собою.
Злоба стала мудростью,
Смерть – бегом или ходьбою.
Мужчины занимаются вечностью,
А женщины – собою.

3. Музыка стала нашим проклятьем,
Юность – судьбою.
Мальчик, тонкий и бледный,
Глядел воспаленным взором,
Как мимо плывет вселенная,
Вздрагивая и качаясь.
Римляночка в пыльной тоге
В изящном белом веночке,
Играла на тусклой лире
И полупрозрачными пальцами
Касалась бумажных струн.
И плакала мисс Вселенная,
И устало рыдал Господь.

4. Музыка стала нашим проклятьем,
Юность – судьбою,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.